

Я. И. ХАЧИКЯН
АРИШАК АБГАРОВИЧ АДАМЯН

Известного советского эстетика, музыковеда и деятеля культуры Аршака Абгаровича Адамяна я впервые увидел и услышал зимой 1943—1944 гг. до моей отправки на фронт. Как-то, проходя мимо здания Ереванского университета по ул. Абовяна, я с грустью посмотрел на него и решил войти. Встретившаяся однокурсница Армик Борьян сказала, что у них новый курс — эстетика и что читает его проф. А. А. Адамян, недавно приглашенный в Ереван. Она предложила мне посидеть на лекции. Получив разрешение, я остался и с неослабеваемым вниманием вслушивался в спокойную, четкую, доверительно-убедительную форму чтения лекции, которая раскрыла дотоле незнакомый мир знания. Эта лекция оказалась для меня судьбоносной: так же, как после первого занятия проф. Г. Г. Асланяна (в последующем моего научного руководителя в аспирантуре) я, студент филологического факультета, решил посвятить себя не литературоведению или языкознанию (хотя эти предметы я любил и неплохо знал, имея даже публикации), а философии, так и после лекции А. А. Адамяна я определил для себя область философии — эстетику.

Верно, путь к философии спонтанно начался со школьных лет, с библиотеки моего родного отца А. Г. Туманяна, в которой были «Наука логики» Гегеля, «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Ф. Энгельса, К. Фламмарион, тома 1-го издания БСЭ и другие. Я любил «копаться» в книгах, и незаметно появился вкус к философской сфере. Конечно, осознанный выбор произошел именно в университете, но зерна знания Г. Г. Асланяна и А. А. Адамяна упали на подготовленную почву.

Второй раз я видел и слушал А. А. Адамяна уже после войны. В Театральном обществе Армении, которое располагалось в то время по ул. Абовяна, рядом с геологическим музеем, состоялось обсуждение постановки пьесы «Старик» М. Горького в Русском театре им. К. С. Станиславского (в котором годы спустя я по приглашению главного режиссера Л. А. Калантара являлся членом художественного совета). Обсуждение было организовано несколько необычно: два профессора — А. А. Адамян и Т. С. Ахумян попеременно брали слово и защищали точки зрения, если не противоположные, то, во всяком случае, различные. Я уже имел повод говорить об этом обсуждении в воспоминаниях о Т. С. Ахумяне и назвал его гигантомахией. Это была

незабываемая картина: два больших ученых мужа, два выдающихся интеллектуала, прекрасно владевших языком и мастерством аргументации, уважительно, но бескомпромиссно вели спор-поединок, в котором, однако, не оказалось ни победителя, ни побежденного и который доставил величайшее эстетическое и интеллектуальное наслаждение. Я был приглашен на это обсуждение Семеном Ахумяном, с кем мы, учась в университете, завели тогда дружбу, делящуюся по сей день. Признаюсь: болея за своего профессора — отца Семена — Тиграна Семеновича Ахумяна, тоже ставшего впоследствии моим, уже старшим другом, нельзя было в равной мере не воздать должное А. А. Адамяну.

Однако я еще долго не был лично знаком с А. А. Адамяном: вернулся я с войны в университет, когда Аршак Абгарович перестал уже читать там лекции, после защиты кандидатской диссертации я пришел на работу в Сектор философии АН АрмССР, когда он уже ушел оттуда. Выручил, как это часто бывает в жизни, «его величество» случай, который в 1954 или в 1955 г. свел меня, А. А. Адамяна и моего старшего коллегу по Сектору философии, глубоко уважаемого мною доктора философии В. К. Чалояна недалеко от музыкального училища им. Саят-Новы. Вазген Карпович был в большой дружбе с Аршаком Абгаровичем и очень тепло, дружелюбно относился ко мне. Он-то и представил нас друг другу, использовав в свойственной ему манере несколько положительных эпитетов о каждом.

После официального знакомства я уже мог позволить себе при встречах с Аршаком Абгаровичем вступать с ним в беседу по вопросам эстетики, преимущественно о гносеологической стороне искусства и его предмете. Эти вопросы занимали меня, поскольку защищенная мною кандидатская диссертация и готовящаяся к изданию монография о познавательном значении искусства непосредственно соприкасались с ними. К моему глубокому удовлетворению, внимание к этой теме у него было давним и возникло задолго до появления в 1956 г. новаторской по духу книги А. И. Бурова «Эстетическая сущность искусства», ставшей своеобразной вехой в постановке и разработке многих проблем эстетики в советской науке, в том числе и упомянутых. Аршак Абгарович вообще предвосхитил многие вопросы, лишь годы спустя оказавшиеся в центре внимания эстетиков страны. Затрагивалась также проблема сущности прекрасного, толкование которого, страстно защищаемое им, очень импонировало мне, ибо было лишено

крайностей, присущих двум точкам зрения, как их называли несколько лет спустя, «природников» и «общественников». По мнению А. Адамяна, прекрасное — продукт взаимодействия объективного и субъективного, природного и общественного. И в отстаивании этой позиции он был абсолютно бескомпромиссен.

За внешне строгим, даже несколько суровым обликом А. А. Адамяна скрывалась добрая душа, участливое сердце человека, всегда готового бескорыстно прийти на помощь любому, обращающемуся к нему по вопросам науки (и не только ее). Об этом свидетельствует его, к сожалению, пока не изданное богатое эпистолярное наследие, насыщенное ответами на теоретические вопросы, адресованные ему, а также живое общение с ним. Собранный — внешне и внутренне, — говорящий четкими, даже чеканными фразами, с уважением относящийся к собеседнику, глубоко преданный науке, до конца честный перед нею. Таким предстал образ А. А. Адамяна — ученого, человека, гражданина.

Следует сказать, что ко времени наших бесед еще не было издано ни одной книги Аршака Абгаровича: они стали появляться лишь после его смерти, как выражение подлинного уважения к памяти и высоко цененному в научном отношении рукописному наследию маститого ученого. В 1961 г. в Москве в издательстве «Искусство» — «Статьи об искусстве» с предисловием проф. В. Ф. Асмуса, в 1967 г. в Ереване в издательстве «Айастан» — «Статьи по эстетике» (составитель Вилли Саркисян — пианист, ученик и друг А. А. Адамяна) и в Москве в издательстве «Искусство» — «Вопросы эстетики и теории искусства» в серии «Из истории советской эстетики и теории искусства» (составление и предисловие автора этих строк, издательская рецензия проф. В. Ф. Асмуса).

По злой иронии судьбы даже единственная подготовленная им при жизни уникальная монография «Эстетические воззрения средневековой Армении. Эпоха раннего феодализма», проложившая методологические пути исследования истории эстетической мысли в Армении и подвигнувшая меня фундаментально взяться за организацию и осуществление систематического изучения истории армянской эстетической мысли, с привлечением к этой работе и других исследователей, увидела свет незадолго до смерти автора 17 февраля 1956 г. Так что нетрудно понять, сколь неоценимо полезной школой оказались для меня беседы с крупнейшим армянским эстетиком. Они

помогли уточнению моих подходов к ряду вопросов, идущих где-то в фарватере его взглядов, близких к ним.

В последний раз я виделся с ним в августе 1955 г. Я уезжал с семьей из Кисловодска через Сочи в Ереван. Стоя у открытого окна вагона, я вдруг увидел Аршака Абгаровича с супругой Ниной Степановной, идущих вдоль состава и внимательно всматривавшихся в окна. Увидев меня, они радостно заулыбались, подошли к окну и, узнав о маршруте моего следования, попросили о пустяковой услуге: передать в Сочи конверт их сыну Георгию (московскому радиоинженеру), о чем они известят телеграммой. Я с готовностью выполнил не представлявшую, по существу, никакого труда просьбу. Но надо было видеть, как с достоинством и одновременно чувством благородной признательности они попрощались со мной, как будто речь шла о чем-то жизненно важном.

После этого я больше не встречался с Аршаком Абгаровичем. Наступила зима, он занемог, редко выходил из дома и, как я уже упоминал, 17 февраля 1956 г. ушел из жизни, оставив по себе навсегда добрую память.

Я с искренней благодарностью и светлым чувством вспоминаю содержательные, интеллектуально насыщенные, мудрые и, к великому сожалению, недолго продлившиеся и не столь частые, как хотелось бы, встречи с ним. Но он всегда рядом, ибо я в сфере его любимой эстетики и истории армянской эстетической мысли.

Я. И. Хачикян. Наедине с ушедшим.
Калейдоскоп воспоминаний, Е., "Айагитак", 2002

Г. Г. ТИГРАНОВ
ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА МЫСЛИ

Аршак Абгарович Адамян — один из наиболее ярких, интересных и оригинально мыслящих представителей армянской художественной культуры XX века. Философ, эстетик, публицист, музыковед, композитор, педагог, общественный деятель... Вот различные грани его разносторонне одаренной, широко эрудированной личности. Большую известность получили его труды, исследования, циклы лекций по истории философии, эстетики, по актуальным проблемам